

Лилия ГАЗИЗОВА

* * *

Эрджиес, брат мой,
Не прячься за облаками
И прошлое не таи свое!
Признайся в нелепом
Или в постыдном!
Каждому есть в чем признаться.
Даже вулкану.

Выговорись, брат мой!
Каково это —
Возвышаться над миром,
Не зная боли?
Каково это —
Пережить народы
И цивилизации?

Молчишь, Эрджиес.
Но я разговарю тебя!
И мы побеседуем по душам,
Как говорили когда-то,
О чем-то очень важном.
Или о пустяках поговорим.

* * *

Я хочу сидеть
На пожарной лестнице,
Куда убегала в детстве
От мировой несправедливости
В отдельно взятой семье,
И смотреть вниз/вверх.

Я хочу сидеть
На пожарной лестнице
И думать о чем-то отстраненном,

Лилия Газизова — поэт, переводчик, эссеист, ответственный секретарь журнала «Интер-поэзия». Окончила Казанский медицинский институт и Московский литературный институт имени А. Горького (1996). Автор тринадцати сборников поэзии, изданных в России и Европе. Публикации в журналах «Новый мир», «Знамя», «Нева», «Дружба народов», «Октябрь», «Арион», «Интерпоэзия» и др. Стихи переведены на двенадцать европейских языков. Лауреат нескольких литературных премий. Преподает в Эрджиесском университете (Кайсери, Турция). Живет в Кайсери.

Например, о законах физики
Или о трагической судьбе
Марии Стюарт.

Но больше всего
Я хочу сидеть
Без затей
На пожарной лестнице
И думать только о том,
Как не упасть с нее.

* * *

М. М.

Бестолочь ненаглядная!
Ты просишь стихов о любви,
В которых рассчитываешь
Обнаружить нас с тобой,

В своей турецкой изоляции
Я проявляю признаки
Прекрасного биполярного —
Впадаю то в смех, то в отчаяние.

Но я могу разучить песенку,
В которой будет много любви.
Я буду петь ее, глядя на тебя
Нравнодушными глазами.

Еще я пошлю тебе
Фиолетовое сердечко,
А лучше — цветочек,
Который похож на вагину.

* * *

Что стало с поездом,
В котором познакомились
Мои родители
Полстолетия назад?
Наверное, свезен в Юдино —
На кладбище поездов.
И стоит на заброшенном пути,
Вспоминая свои лучшие годы.

А может, разобран на части?
Металлические переплавлены
На что-нибудь полезное,
Например, на мост Миллениум.

А деревянные пошли
На обогрев жилища
Сторожа кладбища поездов.

И только маленький болтик,
Маленький ржавый болтик
Закатился (необъяснимо желаю этого)
Куда-нибудь в траву,
С поезда, в котором познакомились
Мои родители
Вечность назад.

* * *

У папы был «Паркинсон».
Он и лишил меня папы.
И знала, что лишит.
Фиксировала спокойно и с ужасом
Нарастающие симптомы.

Папа был профессором-историком.
Заставлял подписывать все фотографии:
Чтобы и место, и время, и люди.
Удивлялся, если обнаруживал,
Что я забыла дату чего-то славного.
Или бесславного.

Папу любили женщины.
После его командировок
Они долго еще звонили
К нам домой
И разговаривали со мной
Слащавыми голосами.

Вначале мы жили втроем,
Потом вчетвером.
В итоге остались вдвоем,
Пока я не вышла замуж.

Пять лет прошло.
А был ли папа...

СЕРОТОНИН И ДОФАМИН

У нее должны
Быть разбитое сердце,
Удивленные глаза
И хрипловатый голос.

А дыхание должно
Быть слегка прерывистым.
Она должна
Уметь петь «Moon river»,
Иначе ничего не получится.
Он должен
Быть наглым,
Из тех, кто знает, чего хочет.
Он должен
Беспрерывно смущать ее.
И тогда, возможно,
Случится выброс
Серотонина с дофамином,
И они наконец
Потеряют покой.

В случае ином
Мир потеряет
Пару красок в палитре.

* * *

Он забыл меня, спящую
И видящую жаркие сны
На корабле, курсирующем по Босфору,
Между Европой и Азией.

Он забыл меня, проснувшуюся
От бездушной тишины
На корабле, стоящем на рейде
Среди десятков других.

Он забыл меня, надрывающуюся
От криков о помощи
Горстке людей на берегу,
Греющихся у костра.

Он забыл меня, спасенную
Молодым рыжим наркоманом,
Приплывшим на лодке к моему кораблю
И ухмыляющимся: «You're strange!»

Он забыл меня, сидящую у костра
С незнакомыми самыми близкими людьми,
Засыпающую и засыпающую,
Чтобы проснуться на корабле.